

К. А. ЖАБИНСКИЙ

Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова

**ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ИСТОЧНИК КАК «СВИДЕТЕЛЬ ЗАЩИТЫ»
(О НЕОПУБЛИКОВАННОМ ПИСЬМЕ Н. БУЛАНЖЕ К С. РАХМАНИНОВУ)**

Статья посвящена весьма актуальной проблеме современной музыкальной биографики – обстоятельному изучению и корректной научной интерпретации разнообразных эпистолярных источников, привлекаемых исследователями в процессе воссоздания существенных подробностей жизни и творчества некоего композитора или музыканта-исполнителя. Заведомо обширным «проблемным полем» в указанном аспекте предстает эпистолярная часть рахманиновского архива, хранящегося в США. Наглядный тому пример – малоизвестное письмо, полученное С. Рахманиновым в 1933 году от авторитетного французского музыканта Н. Буланже и до сих пор не привлекавшее внимания специалистов. «Официально-поздравительный» характер этого письма, связанного с 60-летием Рахманинова, предопределяет минимальную «информативность» соответствующего текста. Кроме того, Рахманинов и Буланже (как многолетняя почитательница творчества И. Стравинского) заведомо принадлежали к различным «художественно-стилевым пространствам» тогдашнего музыкального мира, что фактически сводило к минимуму перспективы их личного или эпистолярного общения.

Однако в последние годы некоторыми источниковедами было высказано предположение о намеренном «игнорировании» С. Рахманинова, якобы характерном для Н. Буланже, демонстративно отказывавшейся общаться с великим русским музыкантом и даже упоминать его имя. Причиной тому будто бы стала «провинность» С. Рахманинова перед Р. Пюньо – наставником по композиции Н. Буланже, не прощенная последней вплоть до ухода из жизни. К сожалению, данная гипотеза, не имеющая под собой реальных оснований, была сочувственно воспринята рядом отечественных специалистов и нашла отражение в новейшей «Летописи жизни и творчества» Рахманинова. Исходя из этого, реально существующее поздравительное письмо заслуживает специального рассмотрения в качестве альтернативного «свидетельства в защиту» нашего великого соотечественника.

Ключевые слова: музыкальная биографики, композиторские архивы, эпистолярные источники, С. Рахманинов, Н. Буланже.

Для цитирования: Жабинский К. А. Эпистолярный источник как «свидетель защиты» (о неопубликованном письме Н. Буланже к С. Рахманинову) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2024. № 3. С. 126–131.

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_126

K. ZHABINSKY

S. Rachmaninov Rostov State Conservatory

**AN EPISTOLARY SOURCE AS A “DEFENSE WITNESS”
(ON THE UNPUBLISHED N. BOULANGER’S LETTER TO S. RACHMANINOV)**

The article is devoted to a greatly actual problem of contemporary musical biography studies – a thorough study and correct research interpretation of various epistolary sources used by scholars in the process of recreating essential details of a composer’s or musician-performer’s life and work. A wittingly extensive “problem field” in this aspect is the epistolary part of S. Rachmaninov’s archive stored in the USA. A clear example of this is a little-known letter received by Rachmaninov in 1933 from the authoritative French musician N. Boulanger, which has not attracted the attention of specialists until now. The “officially congratulatory” nature of this letter, connected with Rachmaninov’s 60th birthday, predetermines the minimal “information content” of the corresponding text. In addition, Rachmaninov and Boulanger (as a long-time admirer of I. Stravinsky’s work) obviously belonged to different “artistic-stylistic spaces” of the musical world, which actually reduced to a minimum the prospects for their personal or epistolary communication. However, in recent years, some source scholars have suggested a deliberate “ignoring” of

Rachmaninov, allegedly characteristic of N. Boulanger, who demonstratively refused to communicate with the great Russian musician and even mention his name. The reason for this was allegedly Rachmaninov's "offense" before R. Pugno, N. Boulanger's composition mentor, which was not forgiven by the latter until her death. Unfortunately, this hypothesis, which has no real basis, was sympathetically received by a number of Russian experts and was reflected in the latest "Chronicle of S. Rachmaninov's Life and Work". Based on this, the real congratulatory letter deserves special consideration as an alternative "testimony in defense" of our great compatriot.

Keywords: musical biography studies, composers' archives, epistolary sources, S. Rachmaninov, N. Boulanger.

For citation: Zhabinsky K. An epistolary source as a "defense witness" (on the unpublished N. Boulanger's letter to S. Rachmaninov). In: *South-Russian Musical Anthology*. 2024. No. 3. Pp. 126–131.

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_126

В «Интернет-путеводителе» по рахманиновскому Архиву (место хранения – Библиотека Конгресса США) содержится упоминание о письме, которое было получено Сергеем Рахманиновым от Нади Буланже весной 1933 года [1, р. 48]. Содержание письма не оглашается, однако и его датировка, и объявленное «местоположение» (источник хранится вместе с поздравительной корреспонденцией к 60-летию композитора) позволяют условно идентифицировать аналогичную тематику «послания». Вероятно, поэтому отечественные специалисты до сих пор не обращались к названному письму: юбилейная дата вызвала широкий общественный резонанс, и Рахманинову на протяжении более чем полугода (с декабря 1932 по май 1933) адресовалось множество поздравлений. Естественно, письмо Буланже принадлежало к их числу, заведомо уступая в аспекте «информативности» аналогичным поздравлениям коллег, дружески общавшихся с юбиляром. Однако в последние годы некоторыми источниковедами было высказано предположение об «игнорировании» Рахманинова, якобы характерном для Буланже, демонстративно отказывавшейся общаться с великим музыкантом и даже упоминать его имя. Это предположение обосновывалось, помимо прочего, довольно туманными ссылками на документы, хранящиеся в персональном Архиве Буланже (Национальная библиотека Франции в Париже), хотя ни один из соответствующих документов не был оглашен и даже назван. Причиной же «игнорирования» будто бы явилась некая «вина» Рахманинова перед Раулем Пюньо – наставником по композиции Буланже, не прощенная последней вплоть до ухода из жизни [2, с. 179–180]. Данная гипотеза, невзирая на отсутствие фактических подтверждений, была сочувственно воспринята рядом отечественных музыковедов и нашла отражение в новейшей «Летописи жизни и творчества» Рахманинова [3, с. 363–364]. Исходя из этого, сохранившееся

письмо Буланже к Рахманинову заслуживает дальнейшего рассмотрения в качестве «альтернативного свидетельства».

Как известно, Пюньо скончался в Москве от воспаления легких и сопутствующих осложнений во время гастрольной поездки¹. Это произошло в конце декабря 1913 года (по новому стилю – в начале января 1914-го). Вместе с ним в Москве находилась и Буланже, нередко именовавшаяся «ученицей» Пюньо, сопровождавшая его в поездке и представленная среди участников анонсированных концертов (наряду с московской камерной певицей Марией Муромцевой-Венявской)². Однако в дальнейшем Буланже пребывала на периферии событий. Неизвестно, привлекалась ли она к организации лечения Пюньо и к организационным хлопотам, связанным с отменой концертов в Москве. Не упоминается, насколько была осведомлена Буланже о гипотетических «переговорах» с Рахманиновым как вероятной «заменой» Пюньо для первого из концертных выступлений. Не комментируется ее вероятное отсутствие в храме на отпевании «любимого наставника». Не сообщается, где именно в этот период находилась Буланже (ее родня по материнской линии проживала в Петербурге) и когда именно возвратилась во Францию. Ввиду полного отсутствия каких-либо аутентичных свидетельств, принадлежащих самой Буланже или другим участникам событий, мы вынуждены довольствоваться лишь категоричными утверждениями отдельных исследователей, попросту «веря им на слово». Сказанное в полной мере относится и к утверждениям о Буланже как преданной хранительнице «памяти ее друга и учителя».

Так, сообщается, что «на протяжении всей жизни в многочисленных интервью Нада Буланже сознательно избегала упоминаний о случившемся в Москве в 1913 году, запрещая произносить имя Рахманинова своему окружению и многочисленным ученикам. <...> Легко

представить, что молодая Надя не могла примириться с участием Рахманинова...» в планируемом мемориальном концерте, посвященном Пюньо, и т. д. [2, с. 179–180]. При этом, разумеется, ни одна из приводимых инвектив не подкрепляется отсылками к достоверным источникам. Откуда почерпнуты указанные биографические сведения? Из личного общения с Н. Буланже? Однако последняя умерла более 40 лет назад, в 1979 году; ныне здравствующие исследователи средних лет, которые пишут о ее жизни и профессиональной деятельности, в ту пору, скорее всего, посещали дошкольные учреждения или начальные классы средней школы. Вероятно, Буланже перед смертью оставила потомству некие тайные признания? Или об этом «проговорился» кто-то из ее близких друзей? Необходимые комментарии отсутствуют, как будто речь идет о само собой разумеющихся, общеизвестных фактах, хотя любой компетентный специалист вправе оценить их с диаметрально противоположных позиций.

Чтобы разрешить кажущееся противоречие, обратимся к недавней публикации, вполне доступной любому отечественному исследователю. Речь идет о воспоминаниях польского композитора и музыковеда Кшиштофа Мейера, включенных в его биографический очерк «О Наде Буланже». Данный источник представляется вполне заслуживающим доверия по двум причинам. Во-первых, Кш. Мейер принадлежит к числу исследователей, с видимым успехом проявивших себя в области музыкальной биографии (достаточно упомянуть его известную книгу о Шостаковиче). Во-вторых, автору очерка, по его собственным словам, «...посчастливилось трижды на несколько месяцев приезжать на учебу к Наде в Париж и наблюдать за ее манерой преподавания» [5, с. 216]. Эти «мастер-курсы» датировались примерно серединой 1960-х годов, и многое из услышанного и запечатленного цепкой памятью Кш. Мейера следует признать фактическими «комментариями» к процитированным выше утверждениям по поводу Буланже как «хранительнице памяти» о Пюньо.

Согласно утверждениям названного мемуариста, «все ученики Нади отмечали ее либерализм, терпимость к любым убеждениям и направлениям. Но при этом мало кто вспоминал, с какой неприязнью она обычно высказывалась о Берлиозе, Штраусе, Скрябине или Малере, как критиковала эстетику Шумана, Листа, Вагнера и даже Дебюсси. Она полностью отрицала ценность музыки Рахманинова, резко критиковала Прокофьева (“финал Седьмой сонаты – это большевицкая музыка”). Мессияна Надя Буланже однажды объявила “великим обманщиком в

музыке XX века”. <...> Она не могла понять актуальные течения, новые приемы и тенденции – они были ей совершенно чужды. <...> Уже Веберн никогда не был темой ее уроков, как, впрочем, и Барток, и Шимановский. Представителей Дармштадтской школы она однажды назвала “бедными детьми”. <...> О Штокхаузене Надя не хотела слышать, а насчет Булеза походя высказалась так: “Этот всё слышит” – и ни слова больше. Она терпеть не могла избыточно сложных партитур <...>», и т. д. [5, с. 221]. Более того, «польская певица Мария Модраковская свидетельствовала, что Надя буквально запрещала вспоминать о своем раннем (композиторском. – К. Ж.) творчестве. Это она объясняла “бесполезностью” своей музыки <...>» (курсив мой. – К. Ж.) [Там же, с. 212]. Цитируемые заметки могут рассматриваться двояко: либо речь идет о некоей «абerrации», вследствие которой не только Рахманинов, но и Веберн, Штокхаузен, Булез, даже сама Надя Буланже оказываются «виновными» в каких-то «злодеяниях», либо вышеперечисленные «фигуры умолчания» вообще не обнаруживают связи с «московской историей» 1913 года, и эта связь намеренно мистифицируется некоторыми исследователями.

В самом деле, «игнорируемый» Рахманинов, по сути, оказывается представителем едва ли не элитарного «сообщества» крупнейших композиторов XIX–XX веков, чьи «провинности» обуславливаются только эстетическим «пуризмом» Буланже как приверженца «неоклассицистских» тенденций. Кстати, ее «друг и учитель» Пюньо, будучи ярко выраженным представителем французского позднеромантического искусства, чуждался подобных «увлечений», вследствие чего Буланже избегала упоминать его имя в той же степени, что и рахманиновское³. Вполне допустимо утверждать о неприятии музыки Рахманинова, характерном для отдельных учеников Буланже, как «заимствованной» черте. Однако сохранялся ли подобный «творческий нигилизм», свойственный их педагогу, авторитетному музыканту-«неоклассику», при обращении к творчеству Рахманинова-исполнителя? Едва ли, – об этом неопровержимо свидетельствуют сохранившиеся документальные материалы.

Как известно, 7 мая 1933 года в Париже состоялось торжественное чествование Рахманинова, посвященное его 60-летию. Подробный комментарий об этом был опубликован местной газетой русской эмиграции «Возрождение» 8 и 9 мая. Сообщалось, помимо прочего, что на этом собрании выступил Альфред Корто, «...прочитавший адрес Рахманинову от виднейших французских композиторов, дирижеров и музыкантов (других специальностей. – К. Ж.)» [7, с. 559].

В числе подписавшихся, наряду с А. Корто, Г. Пьерне, М. Лонг, Ж. Тибо, М. Равелем, Ж. Ибером, П. Дюка, А. Онеггером и другими, значилась Буланже. Достоверность указанной информации была подтверждена в дальнейшем Заруи Апетян, изучавшей материалы рахманиновского архива в Нью-Йорке (Библиотека Конгресса) и сообщившей коллегам необходимые каталожные данные о местонахождении этого юбилейного адреса. Более того, в упоминаемом выше «Интернет-путеводителе» по рахманиновскому Архиву фигурирует и целый ряд персональных (!) поздравительных писем, тогда же полученных Рахманиновым от практически всех участников указанной юбилейной «акции», включая Надю Буланже (см.: [1, р. 48])⁴. Нужно ли рассматривать ее письмо в числе особо «изохренных» проявлений тайной «нелюбви», о которой рассуждают исследователи-«конспирологи»? Вероятно, данный вопрос также останется без ответа. Фактически существование этого письма является «аргументом защиты», успешно противопоставляемым виртуальному «обвинительному заключению».

Между тем, если подобная неприязнь отсутствовала в принципе, легко объяснить и «странный» факт, сообщаемый авторами некоторых публикаций. В персональном Архиве Буланже хранится адресованное ей письмо Жана-Мишеля Шартона, автора книги «Французские годы Сергея Рахманинова», датированное 1968 годом и предшествовавшее публикации упомянутой книги: «...пребывание французских музыкантов в Москве в 1913 году его (письма. – К. Ж.) автором не обсуждается» [2, с. 178]. Если пресловутый «запрет на произнесение» имени Рахманинова отсутствовал в принципе, логично предположить, что Шартон – литератор-эссеист и художественный критик – попросту не знал о какой-либо свя-

зи Буланже с тогдашними гастролями, поэтому в его кратком и поверхностном пересказе «московского эпизода» тогдашняя ученица Пюньо не была упомянута вовсе⁵. Сама Буланже могла по истечении полувека не придать значения или позабыть об этом событии.

В целом, гипотетическое «дело Рахманинова – Пюньо» и вероятная причастность к названным событиям Нади Буланже могут быть рассмотрены с позиций «исследовательского мифотворчества». Аналогичные примеры в музыковедении хорошо известны – от легендарного «отравления Моцарта», приписываемого Антонио Сальери, или «самоубийства Чайковского» до «страшной мести» одиозному «куратору» советских композиторов Петру Апостолу, якобы осуществленной Дмитрием Шостаковичем сугубо «музыкальными средствами». Приходится констатировать, однако, что «вирус мифотворчества» достаточно живуч и в области источниковедения, о чем свидетельствуют, например, публикации нынешнего столетия, посвященные Сергею Прокофьеву и Сергею Кусевицкому, Борису Асафьеву и Николаю Мясковскому. Весьма питательной средой для такого рода «мифотворчества» является творческая биография Сергея Рахманинова, не исключая «французских» ее аспектов. К сожалению, продуцирование соответствующих «мифов» отчасти инспирируется и небезызвестной «концептуалистской» ориентацией зарубежных (либо российских, ориентируемых на западную аудиторию) исследований, посвященных нашим великим соотечественникам. Исходя из этого, в наши дни представляется исключительно важной последовательная актуализация подлинно академических принципов музыкального источниковедения, неразрывно связанных с профессиональной деятельностью в указанной сфере исторического музыкознания.

•—————• ПРИМЕЧАНИЯ —————•

¹ Подробнее об этом см. в специальной статье: [4, с. 81–104].

² По-видимому, говорить о собственно «ученичестве» в области композиции надлежит с оговоркой: ранее Буланже получила соответствующее образование в Парижской консерватории (1904, классы Г. Форе и Ш. М. Видора). Вместе с Пюньо она в течение нескольких лет выступала в фортепианном дуэте. Вероятно, подразумевались некие «профессиональные консультации», связанные с углубленным освоением музыкально-театральных и вокальных жанров. Об этом свидетельствуют и произведения Буланже, датируемые 1911–1913 годами, и ее совместная работа с Пюньо над оперой «Мертвый город» и вокальным циклом «Предраассветные часы». Кроме того, Пюньо намеревался популяризировать творчество своей подопечной: в запланированных концертных программах фигурировали некоторые вокальные опусы Буланже (сама она должна была выступить в качестве аккомпаниатора).

³ Об этом свидетельствовал, в частности, один из учеников Буланже – американский композитор Аарон Копленд, занимавшийся в ее классе на протяжении 1921–1924 годов: «Она опубликовала несколько коротких пьес и однажды, как сказала мне, помогала пианисту и композитору Пюньо оркестровать его оперу» [6, с. 120]. Ни о фактическом «соавторстве», ни о «любимом учителе» Буланже при этом не упомянула, воздержавшись от каких-либо комментариев или дополнений. Разумеется, Копленда могла подвести ненадежная память (цитируемый очерк был написан в начале 1960-х, по случаю 75-летия Буланже), однако проявлений недовольства со стороны юбиляра не последовало (при всей ее общеизвестной любви к точности).

⁴ Разумеется, при сопоставлении двух перечней обнаруживаются немногочисленные расхождения (в частности, «Интернет-путеводитель» не упоминает о наличии поздравительных писем от П. Дюка и Ж. Ибера), которые, однако, могут быть объяснены самыми различными причинами, весьма далекими от неприязненного отношения определенного французского композитора к Рахманинову.

⁵ Имя Буланже фигурирует только в перечне «благодарностей», адресованных известным французским музыкантам и деятелям культуры за «ценные советы» и «пожелания» относительно разнообразных проблем, освещаемых в книге [8, р. 65–66]. Впрочем, ее автор не упоминает и о других участниках «московского эпизода», например, о М. Муромцевой-Венявской, полагая, что в Москве должны были состояться Klavierabend'ы Пюньо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sergei Rachmaninoff Archive Guides to Special Collection to the Music Division of the Library of Congress. 138 p. URL: https://findinguids.loc.gov/exist_collections/ead3pdf/music/mu015003pdf (дата обращения: 15.09.2024).
2. Акимова И. В. Гастроли Нади Буланже и Рауля Пюньо в России в 1913 году // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: материалы международных конференций. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 2019. Вып. 8 / сост. И. В. Брежнева. С. 169–180.
3. Валькова В. Б. С. В. Рахманинов: Летопись жизни и творчества. Т. 2: 1900–1917. Тамбов: Музей-заповедник С. В. Рахманинова «Ивановка», 2022. 580 с.
4. Жабинский К. А. «Дело С. Рахманинова – Р. Пюньо»: факты и домыслы // Наследие: культура, история, коммуникация: материалы IV Международного науч. форума. Новосибирск: СО РАН, 2023. С. 81–104.
5. Мейер Кш. О Наде Буланже // Музыкальная академия. 2021. № 1. С. 211–222.
6. Копленд А. Надя Буланже – учитель композиции // Советская музыка. 1964. № 6. С. 120–122.
7. Апетян З. А. Комментарии // Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3 т. / под ред. З. А. Апетян. М.: Сов. композитор, 1980. Т. 2: Письма. С. 371–568.
8. Charton J. M. Les annees francaises de Serge Rachmaninoff. Paris: Revue moderne, 1969. 164 p.

REFERENCES

1. Sergei Rachmaninoff Archive Guides to Special Collection to the Music Division of the Library of Congress. 138 p. URL: https://findinguids.loc.gov/exist_collections/ead3pdf/music/mu015003pdf (date of application: 15.09.2024).
2. Akimova I. Gastroli Nadi Bulanzhe i Raulya Pyun'o v Rossii v 1913 godu [The Tour of Nadia Boulanger in Russia in 1913]. In: Russkie muzykal'nye arkhivy za rubezhom. Zarubezhnye muzykal'nye arkhivy v Rossii [Russian musical archives abroad. Foreign musical archives in Russia]; materials of International conferences. Moscow: P. Tchaikovsky Moscow State Conservatory, 2019. Issue 8. Comp. by I. Brezhneva. Pp. 169–180.
3. Val'kova V. S. V. Rakhmaninov: Letopis' zhizni i tvorchestva [S. Rachmaninov: Chronicle of the Life and Creative Work]. Vol. 2: 1900–1917. Tambov: S. Rachmaninov "Ivanovka" Museum Reserve, 2022. 480 p.
4. Zhabinsky K. «Delo S. Rakhmaninova – R. Pyun'o»: fakty i domysly ["S. Rachmaninov – R. Pugno's Case": facts and speculations]. In: Nasledie: kul'tura, istoriya, kommunikatsiya [Heritage: Culture, History, Communication]; materials of the 4th International research forum. Novosibirsk: Siberia Branch of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 81–104.
5. Meyer Ksh. O Nade Bulanzhe [About Nadia Boulanger]. In: Muzykal'naya akademiya [Music Academy]. 2021. No. 1. Pp. 211–222.
6. Koplend A. Nadya Bulanzhe – uchitel' kompozitsii [Nadia Boulanger as a tutor of composition]. In: Sovetskaya muzyka [Soviet Music]. 1964. No. 6. Pp. 120–122.
7. Apetyan Z. Kommentarii [Commentaries]. In: Rakhmaninov S. Literaturnoe nasledie [Literary Heritage]; in 3 vol. Ed. by Z. Apetyan. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1980. Vol. 2: Letters. Pp. 371–568.
8. Charton J. M. Les annees francaises de Serge Rachmaninoff. Paris: Revue moderne, 1969. 164 p.

Жабинский Константин Анатольевич

старший преподаватель, библиограф

Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова

Россия, 344002, Ростов-на-Дону

zhabinsky55@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2843-3388

Konstantin A. Zhabinsky

Senior lecturer, Bibliographer

S. Rachmaninov Rostov State Conservatory

Russia, 344002, Rostov-on-Don

zhabinsky55@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2843-3388